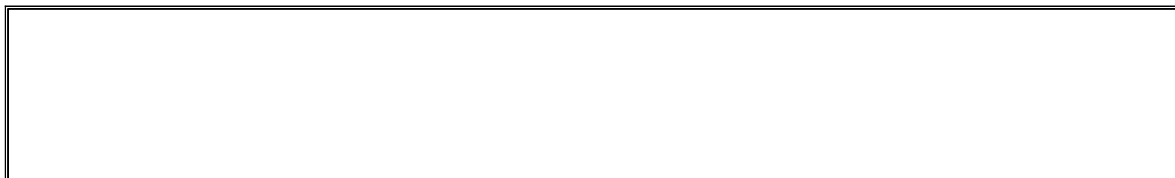

Алексей ДЭЛЛЬ-ВАСИЛЕВСКИЙ

«О С Т Р О В А»

пьеса в пяти картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ОН – Актер

ОНА – Актриса

Еще до начала спектакля занавес открыт. На заднем плане сцены нагромождение всяческого хлама: пусть это будут элементы декораций из разных спектаклей: пара кресел, стол, магнитофон, пальма, ружье, двуручный меч, чей-то мужской портрет, ширма, огромное зеркало.

Из-за левой кулисы выходит АКТЕР, прохаживается по сцене, трогает декорации. Долго смотрит на портрет, снимает его со стены, ищет, куда бы его пристроить, потом вешает его обратно. Подходит к магнитофону, вынимает из кармана кассету, вставляет, включает. Несколько минут слушает, целясь по залу из бутафорского ружья, потом берет в руки меч, подходит к зеркалу, несколько раз взмахивает мечом, и в какой-то момент замирает, увидев АКТРИСУ в зеркале.

АКТРИСА (*изображает его жест*). Бесподобно! Гладиатор, какой-то век до нашей эры. Город – РИМ! Знаешь, что такое – «гладий»?

АКТЕР (*опирается на меч, все еще глядя на нее в зеркало*). Знаю.

АКТРИСА. Ну?

АЕТЁР. Я извиняюсь, член. Но только я и не думал. О Риме.

АКТРИСА. А что же ты тогда? Дрова рубишь, что ли. В гордом одиночестве.

Осматривает зал.

Синьор Адриано. Самый строптивый?

АКТЕР (*все еще в зеркало*). Да нет. Так, разминался, тебя ожидая.

АКТРИСА. Гм, не очень-то ты меня ждал. Если до сих пор стоишь ко мне задом, мужчина.

ОН поворачивается к ней лицом.

Я-то тебе зачем?

Подходит к зеркалу, довольно бесцеремонно отодвигает его, вынимает из сумочки помаду, при этом все содержимое сумочки вываливается на пол. ОН, отставив меч в сторону, торопливо начинает собирать упавшее, она же, как ни в чем ни бывало, красит губы.

Ты прекрасно старался...

Вновь изображает его жест.

Один.

ОН смущенно подает ей сумочку.

Да поставь куда-нибудь. Слушай!

Толкает его в грудь.

Я теперь понимаю, почему ОН никогда не говорит, с кем предстоит это!

АКТЕР (*собирался было облокотиться на меч*). И почему же?

АКТРИСА. Возьми его обратно. Возьми, возьми.

АКТЕР. Что взять?

АКТРИСА. Да этот свой карающий меч, господи. А то ты без него как-то сразу... Поглупел.

ОН покорно берет меч и опирается на него.

АКТЕР. Так?

АКТРИСА. Сойдет.

Отходит от него.

Так о чем я?

АКТЕР. О том, что ОН никогда не говорит: с кем?

АКТРИСА. Да! Потому что если бы я заранее знала, что ЭТО предстоит с тобой, то я бы никогда не пришла. Вот.

ОН пожимает плечами и еле заметно оглядывается на портрет.

АКТРИСА. Да не обижайся ты! Ведь сам прекрасно понимаешь, что ничего не получится.

АКТЕР. Так я... Некоторым образом... Солдат. и ОН... Где-то... Мой командир.

АКТРИСА. Не прикидывайся. Даже у таких, как ты, есть право слова.

АКТЕР (*задумчиво*). Как я...

АКТРИСА. И ты мог бы ему сказать сам, раз уж вы снюхались. Чего он в тебе только нашел, господи... Напоил ты его что ли?

АКТЕР. Да нет...

АКТРИСА. Что, мол, не надо тетю трогать, она женщина занятая. Знаешь ведь, что я занятая женщина?

АКТЕР. Знаю.

АКТРИСА. Вот молоток.

Грозит пальцем.

Соображаешь. И кроме того, у нее муж.

АКТЕР. Муж...

АКТРИСА. Да, да! А ты как думал? И детки.

АКТЕР. И даже детки.

АКТРИСА. Они, они самые.

АКТЕР. Но это ЕГО идея. ЕГО. Целиком и полностью

АКТРИСА. А, врешь ты все. Решил ты, просто, попробовать, наконец, себя и избрал себе жертву для мучения, стало быть, меня, чтобы я с тобой здесь мучалась.

Оглядывает зал.

Без единого свидетеля. Ишь, чего захотел!

АКТЕР. Честное слово.

АКТРИСА. Ну, даже если и ЕГО... Ты же – мужчина. Мог бы ЕМУ сказать: «Ваши причуды, товарищ, я исполнять не собираюсь!» Вот как ты ему должен был сказать.

Воображаемой публике.

Правильно?

Зеркальному отражению.

Правильно!

ОН поднимает меч и рассматривает его в свете прожекторов.

АКТРИСА. Ты что?

АКТЕР (*опускает меч*). В каком смысле?

АКТРИСА. В таком. Отпусти и убери его.

Пауза.

Ну, что же делать? Знаешь, я пошла. Только, так... Так. Зачем я сюда приходила?

АКТЕР. Наверное, чтобы прежде всего прочесть ЕГО записку.

АКТРИСА. Точно!

Толкает его в грудь

Что-то я совсем здесь с тобой завертелась. Давай, давай.

Делает требовательных жест и одновременно оглядывает себя в зеркало.

Старая становлюсь, просто ужас. Время летит. Летит время, а мужчина?

АКТЕР. Нет, время, по-моему, работает на тебя.

АКТРИСА. Врешь ты все. Все вы врете...

АКТЕР. Кто «все»?

АКТРИСА (*со вздохом*). Мужики, кто же еще.

ОН подает ей записку, ОНА читает и присвистывает.

Вот это да! Такого еще по-моему не было.

Декламирует в зал.

«Любовь! Острова! Пятнадцать лет!»

Е м у .

Знаешь, а подам-ка я на вас в суд, ребятки!

АКТЕР. С какой стати?

АКТРИСА. Слава Богу, любовник мой обладает словарным запасом. А то я опять готовилась услышать ваше божественное: «Зачем?» или «Почему?». А с такой стати... Вот приду и скажу. Прямо так: приду и скажу: Граждане судьи!

В зал.

Эх, жалко никто не слышит. Граждане судьи! До каких пор этот узурпатор – главный режиссер нашего театра будет издеваться над беззащитной актрисой!

Показывает пустующему залу записку.

Он заставляет меня с этим!

Показывает на Актера.

Заниматься любовью на каких-то островах.

Заглядывает в записку.

Да еще в течение пятнадцати лет.

Оборачивается к Актеру.

Так, что ли? Я правильно трактую?

ОН пожимает плечами и вновь осматривает портрет.

И до каких пор, граждане судьи, будет продолжаться это насилие? Я совсем не против главного режиссера с его фантазией, но почему он мне подобрал такого странного партнера? Молчите? Не знаете? Может, вы знаете, товарищ артист?

Подает ему воображаемый микрофон.

Прошу высказаться.

АКТРИСА. Да, да, что вы там считаете?

АКТЕР. Что идея главного режиссера совершенно гениальная. Во всяком случае, до него никому такое в голову не приходило.

АКТРИСА. Господи, как хорошо живется тем, чьим главным режиссерам ничего не приходит в голову. Ладно, принято. Но нужны некоторые коррективы.

АКТЕР *(тем же жестом предлагает ей воображаемый микрофон)*. Высказывайтесь.

АКТРИСА. Во-первых. Это, по-моему должно быть дело добровольное.

Неожиданно отталкивает его руку и со злостью на него смотрит.

Я совершенно не обязана жертвовать своим свободным временем ради каких-то деловых игр. Или ролевых, как их там. Мне основных репетиций хватает по горло, я в этом сезоне дай боже занята.. Во-вторых. Почему никого нет? И что самое главное, ЕГО самого. Это не-вер-но. Если бы ОН присутствовал, тогда – другое дело.

АКТЕР. Непременно нужен свидетель?

АКТРИСА. Да ну конечно! А то як же? Даже ты, навряд ли бы согласился играть перед пустым залом. Даже за зарплату.

АКТЕР. Я об этом как-то... Не думал.

АКТРИСА. Это потому, извини конечно, что ты – случайный человек в театре. Выше, выше голову, гладиатор. Не надо нюнь. Правде надо смотреть в глаза! Я пришла сюда в прекрасном настроении, сейчас его – как не было. Почему? Причина – ты. Я теперь понимаю, почему люди разговаривают с тобой с раздражением. И

обижаться на людей не надо, ты просто поищи причину в себе... Всю эту импровизацию надо производить... При нем.

О г л я д ы в а е т с я.

А ЕГО нет здесь, кстати?

АКТЕР (*оглядывается вслед за ней*). Нет.

АКТРИСА. Нет, он просто отлынивает! Он же должен... Хотя нет...

Машинально переворачивает записку, которая до сих пор была у нее в руке.

Слушай! Тут еще... «Успех».

АКТЕР (*подходит к ней и тоже заглядывает в записку*). Да... Я не заметил.

АКТРИСА. Вот. От этого и все твои несчастья. От невнимательности.

АКТЕР (*как-то изумленно смотрит ей в глаза*). Так, ну ладно, хватит.

АКТРИСА. Чего «хватит»?

АКТЕР. Ну, этого всего...

Подходит к магнитофону, вынимает кассету.

Извини за беспокойство.

АКТРИСА. Да куда ты побежал-то, господи?

АКТЕР. То есть, как куда? Я не знаю. Пройдусь. Есть же человеческий предел.

АКТРИСА. Ты не принимай все так близко к сердцу. Не доживешь так до славы.

Хочет в кулак, и снова видит свое отражение в зеркале. Кажется, смущена.

Ладно, прости. Серьезно, я, наверное, не права. Надо делать упреждение на то, что ты у нас такой чувствительный. Подвержен внутренним эксцессам. Ну, все? Мир. Заводи музыку, солдат, будем выполнять задание. Высокого и мудрого начальства. Слушай, а это, ну, «УСПЕХ», не ты приписал? Решил усложнить.

АКТЕР. Нет, ОН, в последний момент. Его рука, посмотри.

АКТРИСА. Так ОН сочинял нам задание при тебе? Интересно, зачем, а?

Спрашивает у своего отражения и долго в него смотрит.

Только у меня к тебе просьба. Пустяковая.

АКТЕР. Исполню в аккурате.

АКТРИСА. Не говори ЕМУ о нашем с тобой разговоре... Ну, о том, что мы всю эту затею обсуждали...

Смотрит на него.

Да, нет, не в этом дело, мне, в принципе, все равно... Просто я ну... уважаю его, как режиссера, и как человека. Понимаешь?

АКТЕР. Да для тебя ЕГО мнение – это... закон. Это я давно понял.

АКТРИСА. Н-не совсем так, но почти. Ну и что? Он-то, во всяком случае, занимает свое место. Да, да!

АКТЕР. Мы же договорились.

АКТРИСА. Да кто ж еще здесь тебе правду-то скажет, господи. Здесь же все заняты только собой.

АКТЕР. А ты... нет?

АКТРИСА. Ну, я... Я еще кое-что делаю для театра, и ты об этом прекрасно знаешь!

АКТЕР. Так ведь каждый считает про себя, что жестокую правду в состоянии видеть только он один. Каждый считает себя правым в единственном числе.

АКТРИСА. Ладно, ладно потом порассуждаем.

В зеркало, героически.

После выполнения боевого задания! Читаем еще раз.

Ч и т а е т .

«Любовь». «Острова». В океане, что ли? Н-да, ты значит, у нас будешь Томас Хадсон.

Обходит его, осматривает с ног до головы.

Подарок.

АКТЕР. Мне кажется...

АКТРИСА. Ну, ну? Перекрестись.

АКТЕР отворачивается, поморщившись.

АКТРИСА. Да перестань ты дуться, в самом деле! У меня такая манера разговаривать, ничего страшного.

АКТЕР. Мне кажется, что если бы он... дал нам вспомнить Хемингуэя, это было бы слишком просто.

АКТРИСА. Пожалуй, ты прав. А «Успех» там более или менее вяжется. Был же там успех, дай Бог памяти? Все равно не то. Значит, картина меняется. Фейхтвангер, Филатов, не помню, чей фильм. А «Острова». Успех на островах, что ли? Слушай, а влюблялся ты в бытность свою на островах!

АКТЕР. Было дело.

АКТРИСА. Успешно?

ОН отрицательно качает головой, но она этого не замечает.

АКТРИСА. Нет, здесь больше бы подходило гениально-банальное «удача». В те незапамятные времена, когда еще употребляли дешевое спиртное, кричали: «За нее! За удачу!». А остров, наверное, один. Ну что ты все время молчишь.

АКТЕР. Я тебя внимательно слушаю.

АКТРИСА. Так ты меня сюда слушать пришел, что ли? Тогда я пошла.

Закидывает сумку через плечо и направляется туда, откуда появились.

АКТЕР (*довольно тихо*). Я отказывался.

АКТРИСА (*оборачивается*). Серьезно? Так он, что же, настоял?

АКТЕР. В общем, да настоял.

АКТРИСА (*возвращается*). Н-ну... Раз так. Давай что-нибудь срочно придумывать. Как нам быть о ЕГО Фантазиями... С ЕГО островами... долгими годами... и успехом... Вот задачка.

Засовывает руки в карманы своей пляжной юбки и распушает ее наподобие парашюта.

Фух! Ну и жарища. Какое сегодня число?

АКТЕР. Первое июня.

АКТРИСА. Подходит. Лето началось. У кого-то сезон островов. Завидно! А тут вкалывай. На гастролях. Ладно, пора начинать. Как ты думаешь, с чего начать?

АКТЕР. Я думаю с любви.

АКТРИСА. Здесь я с тобой согласна, – начинать надо всегда с любви.

П о е т .

«Нет занятий важней любви...» Слушай!

Вновь толкает его в грудь.

У меня в уборной есть бразильское кофе. Пьешь кофе?

АКТЕР. Еще как!

АКТРИСА. Тогда щас сообразим...

Внимательно смотрит на него.

Раз уж нас с тобой судьба столкнула... Столь странным образом.

ОНА уходит. ОН внимательно рассматривает свое лицо в зеркале, грустно усмехается, идет к декорациям, вновь включает магнитофон, вытаскивает на авансцену сначала стол, потом одно за другим два кресла. Берет бутафорский меч, пробует его прочность о колено, вновь усмехается. Подходит к портрету, снимает и долго всматривается в него. Немного подумав, вновь водружает его на место.

Появляется ОНА с кофейником и маленьким подносом с двумя чашками.

АКТРИСА. Молодец! Этого как раз и не хватало. И музыка!.. Дело теперь только за пламенной любовью.

Проводит пальцем по столу.

Только пыль надо было вытереть.

ОН ищет глазами, чем бы вытереть пыль, ОНА достает из кармана юбки носовой платок.

Пропадешь, мужик. Ничего у тебя нет. Пылища! Слушай, чем мы дышим всю жизнь! Нам за вредность платить надо.

Показывает ему на кресло.

Садись.

ОН покорно садится.

Значит, любовь.

Закрывает глаза.

Давай, лови страшный миг перевоплощения.

Открывает глаза.

Я уже. Значит, ты – сильный мужчина, а я – слабая женщина. И ты соблазняешь меня на островах. То есть на острове...

Сообщает воображаемой публике.

На ОСТРОВАХ человек одновременно находиться не может, правильно? Простим это нашему многоуважаемому режиссеру и учителю.

Подмигивает ему. Вновь закрывает глаза.

И я влюблена в тебя... Длительно и нежно... Уже пятнадцать лет...

Смотрит на него.

Не получается! Я уже пятнадцать лет изнываю, понимаешь, от любви, а ты только сейчас удосужился... Так не бывает. Так быть не должно! Молчишь?

АКТЕР. Но ведь...

АКТРИСА (*перебивает*). Это точно. Ладно, мыслим дальше, то есть, я мыслю, сиди пока, внимай. Значит, ты соблазнил меня... пятнадцать лет тому назад... На острове. Чего там еще?

Вертит записку.

Ну, стало быть, успешно соблазнил. Молодец! А теперь... Мы встретились на том же острове. Так, по-моему, годится.

АКТЕР. По-моему...

АКТРИСА. Что, по-твоему?

АКТЕР (*борясь с собой*). Я говорю, мне кажется.

Тут же крестится.

Что ОН был влюблен в нее. А ОНА... Так...

АКТРИСА. Что значит «так»? Плюет на него, что ли?

АКТЕР. Ну... в общем, – да. Плюет.

АКТРИСА. Ого! Здравый смысл, это хорошо. Но уйдем от него на время, товарищ артист. Все наоборот. Нет, совпадения бывают, конечно, но довольно редко. Так что крути обратно.

АКТЕР. И все же.

АКТРИСА. Ладно, иду на компромисс. Мы влюблены. И все. Хотя для того, чтобы нам сыграть именно ЭТО, потребуется сбросить немало килограммов.

Осматривает себя в зеркало, для удобства слегка отодвигая кресло.

Хотя их у меня не так уж много.

АКТЕР. Что же тогда нам мешало быть вместе все эти пятнадцать лет... Любить... Претерпеть все радости, невзгоды... И спокойно закончить...

АКТРИСА (*удивленно смотрит на него*). Слишком реально. Не совпадает. Для искусства это слишком долго и реально. Отчего слегка не идеализировать? Причин может быть масса. Отчего бывает разлука? Хо! В реальной жизни, – так это они не очень-то хотели быть вместе. А в искусстве, – ну, скажем... ОН находился в заточении. Где-

нибудь в замке на острове... Но это уже было. ЕЕ ужасные родители прятали ЕЕ от НЕГО... И это было. Смерть,— было и будет. А, вот! Он был импотентом. Вот здорово. Здесь сливаются реальность с искусством. И реально до жути и романтично.

АКТЕР. Но и это было.

АКТРИСА. Да, точно. И это было.

АКТЕР. И тогда все теряет смысл.

АКТРИСА. У Хемингуэя смысл ничего не потеряло.

АКТЕР. В нашем случае потеряет. Если бы я смог изобрести ситуацию, как Хемингуэй, я стал бы писателем.

АКТРИСА. Ситуацию не изобретают! Да... Надо же! Так что будем делать-то?

АКТЕР. Я не знаю... Давай...

АКТРИСА (*перебивает*). Я знаю, я. Первая картина,— взаимная любовь. А там посмотрим.

З а л у.

Итак, картина первая, тренировочная. Любовь взаимная и страстная... на необитаемом острове.

АКТЕР. А как же годы, успех...

АКТРИСА. Ай!.. Потом. Все остальное потом, сейчас одна только любовь. Так, ты что же, так и будешь сидеть?

АКТЕР. А что же мне делать?

АКТРИСА. Как, «что»? Любить. Изо всех сил.

С неожиданной легкостью отодвигает стол и придвигает свое кресло к его.

Милый...

Запускает руку в его волосы, ОН с ужасом на нее смотрит.

Милый... Ты что дрожишь, милый?

АКТЕР. Я? Я не дрожу.

АКТРИСА. Перестань дрожать, милый... Хочешь, я все с себя сниму и одену на тебя... И тебе будет тепло...

Начинает снимать с себя блузку, но ОН хватает ее за руки.

АКТЕР. Не надо, ты замерзнешь...

АКТРИСА. Отчего же я замерзну, милый, когда мы на чудном острове и сейчас чудная, июньская ночь?

Почти сквозь зубы.

Мне тепло от твоих объятий, милый...

Берет его руки и кладет их на себя.

Вот так... Мне тепло... Ты же меня согреваешь... От тебя исходит какое-то волшебное тепло... Какая-то волна беспредельной силы и безупречного... Так, что это я там ляпнула. Да, ладно, мужества...

Встает со своего кресла, плюхается ЕМУ на колени и трется об него, как кошка.

Родной мой... Ласковый... Интересно, кончится это когда-нибудь? А?

АКТЕР. А ты...

АКТРИСА. Что? Ты что-то сказал, милый?

АКТЕР. Я говорю... Не надо думать об этом.

АКТРИСА. О чем, милый?

АКТЕР. О том, что это когда-нибудь кончится.

АКТРИСА. Но мне страшно! Я исчезну без любви... Без твоей любви... Я так счастлива сейчас! Я страшно боюсь, что это когда-нибудь пройдет... И ты будешь другим... А кончится это когда-нибудь?

АКТЕР (*отворачивается в сторону*). Н-нет. Не кончится...

АКТРИСА. Я люблю тебя... И сейчас, какой ты есть, и того, какой ты будешь...

АКТЕР. А тебе нравится выставлять меня...

АКТРИСА (*с искренним изумлением*). Но почему? Ты вообще не идиот, милый...

Явно сдерживая хохот.

АКТЕР. Так ведь ты все ЭТО уже кому-то говорила!

Вскакивает и чуть ли не стряхивает ее с себя. ОНА остается в весьма неудобной позе.

Неужели можно так дешево продавать все то лучшее, что было в жизни?!

АКТРИСА (*сидя на полу*). Господи, ненормальный... Это ты серьезно?

АКТЕР (*зажмуривает глаза, потом, как спросонья, смотрит на нее*). Что «серьезно»?

АКТРИСА (*тяжело поднимается с пола и держится за поясницу*). Ну, все это мне говоришь. Ты в своем уме, или ты так разыгрался, что чуть не убил меня?!

АКТЕР. Играю, конечно. Мы же играем? Или уже нет?

АКТРИСА (*ищет глазами свою сумочку*). Так. Хватит. Завтра я скажу ему, что ты, – псих. Все. Прощайся с театром. Так будет лучше и для тебя тоже.

АКТЕР. Да что случилось?

АКТРИСА. Да не прикидывайся ты дурачком, господи! Пользуешься тем, что мы остались вдвоем, и

делаешь все, что твоя поганая душа пожелает с беззащитной женщиной. Ничего себе, игра.

АКТЕР. Так ты считаешь, что такого быть не могло? И он такого не мог тебе сказать?

АКТРИСА (*держится пальцами за виски*). Так, стоп, стоп. Кто не мог мне такого сказать?

АКТЕР. Ну, мой персонаж.

АКТРИСА (*с ненавистью на него смотрит*). Нет! Не мог!

АКТЕР. Но почему? Почему ему не могло показаться, что ты все это уже кому-то говорила, и он возмутился. Он же влюблен! Естественно, что ему мерещится везде предательство. Ты же сама сказала, что они влюблены. Что ж тут непонятного...

АКТРИСА. Да не таракти ты, растарактелся. То слова не вытянешь, то рот не закроешь. Я не об этом. Ревнуй, сколько тебе влезет. Ты зачем вырвался? Я же ушиблась в конце концов, ой, господи.

Вновь хватается за поясницу.

АКТЕР. Сильно ушиблась?

Пытается потрогать ее спину.

АКТРИСА (*резко отталкивает его руку*). Да пошел ты!

Пауза. Она приводит себя в порядок.

АКТЕР. А почему ты думаешь, что ОН поощрил бы такую твою игру? Фальшь от начала до конца. Слова сильны, но только слова.

АКТРИСА. Ну и что?

АКТЕР. Ну, ты же дурачилась, от начала до конца.

АКТРИСА. Ну и что? Чего ты встрепенулся, ты мне скажи? Ну не смогла сходу разрыдаться от любви. Прости. В следующем сезоне.

АКТЕР. Попытке...

АКТРИСА (*после паузы*). Если ты гарантируешь, что мордобоя больше не будет, тогда, ладно... Так ты взревновал?

Показывает ему на то место, где только что сидела.

Больше не будет?

АКТЕР. Даю честное слово.

ОНА подходит к зеркалу и осматривает юбку со всех сторон.

АКТРИСА. Не моют они здесь совсем что ли?.. Что будем делать?

АКТЕР. Можно, я думаю, картину на этом закончить.

АКТРИСА. Ну почему же? Все ведь как-то зависло в воздухе после твоего припадка. Нет, все надо доводить до конца. Ладно... Так, ты говоришь, взревновал? И думаешь, реально это? В нашем-то возрасте.

АКТЕР. А может быть... Все это происходило ТОГДА...

АКТРИСА. Когда?

АКТЕР. Пятнадцать лет назад.

АКТРИСА. Погоди. Точно! Я же забыла определить возраст, и забыла про эти чертовы пятнадцать лет. Так значит нам...

АКТЕР. Мне – пятнадцать, тебе – восемнадцать.

АКТРИСА. Это ты откуда знаешь?

АКТЕР. Я просто подумал, что ОН, может быть, знал соотношение наших возрастов, и в этом есть какой-нибудь смысл.

АКТРИСА. Ты смотри... Это ОН тебе сказал, что я тебя на три года старше?

АКТЕР. Нет. Я ему.

АКТРИСА (*удивленно на него смотрит*). А чего ж ты тогда морду воротишь, если ты такой юный и влюбленный? Ты хоть смотри на меня. Изредка. Кавалер.

ОБА смотрят на свои кресла: ОНА – почти с отвращением, ОН – пытается на нем сосредоточиться.

С а д я т с я.

АКТРИСА. Ревность твою, я думаю, уберем.

У с п о к а и в а е т с я.

Воркуем дальше. Воркуй.

АКТЕР (*подумав*). Ты помнишь тот день?

АКТРИСА. Какой день, милый?

АКТЕР. Когда случилось ЭТО.

АКТРИСА (*изумленно*). Что «ЭТО»?

АКТЕР (*смотрит куда-то в потолок*). Ну... Наше первое... свидание.

АКТРИСА. Оптимизма у вас не занимать, молодой человек.

ОН пожимает плечами.

Ну ладно... Я помню тот волшебный миг, ты был в своем... белом костюме. И ты был очень похож на Бельмондо... В своем ослепительно-белом катере, нет, яхте... Ведь ЭТО случилось на яхте? Потом ты снял белые брюки, и там у

тебя оказались белые плавки. Дальше, «отважных, и т.д.» (С сомнением осматривает его.) Я не смогла устоять, милый. И никто бы не устоял... Не одна, прости Господи, особь. Не женского полу, ни мужского. Во как.

Смотрит на него с откровенной злобой.

У-ух! Убила бы.

АКТЕР. На какого Бельмондо я был похож? В младенчестве что ли?

АКТРИСА. Ах, извините! Это я так.

АКТЕР. Так?

АКТРИСА. Ну, шутя, разумеется. Твоя идея провалилась. Не могло у нас с тобой ничего быть в таком возрасте. В таком возрасте девочкам нравятся взрослые мужчины. Это потом... А в восемнадцать лет? Хо! Сопляками не интересуются.

Своему отражению.

Здорово сыграла?

АКТЕР. Очень плохо.

АКТРИСА *(вновь своему отражению, с приветственным жестом)*. Здорово сыграла. Мне, оказывается, только школьниц играть. Все еще, оказывается, впереди...

Смотрит себе на руку.

Так. Забыла... Только где?

АКТЕР. Что случилось?

АКТРИСА. Часы забыла. Сколько времени?

АКТЕР. У меня нет часов.

АКТРИСА. Счастливый какой... Слушай, тебе не надоело?

АКТЕР. Да нет пока.

АКТРИСА. Это удивительно. Ведь ничего не получается.

АКТЕР. Сразу вообще никогда ничего не получается.

АКТРИСА. Но импровизация, это то, что должно получаться сразу. Я до сих пор так думала.

АКТЕР. Но у нас достаточно сложное положение. Мы же еще должны разобраться, что ОН хотел...

АКТРИСА. Да, должны... Несчастливые мы люди... И назад дороги нет.

АКТЕР. И потом, у нас с тобой немного разные взгляды...

АКТРИСА. Взгляды «куда»?

АКТЕР. На счёт реалий.

АКТРИСА. Если мы в театре, молодой человек, то реалии без магии – не катят. Хорошо. Ты сейчас можешь мне сыграть пятнадцатилетнего влюбленного юношу? Меня сейчас нет, я – объект. Объект для объяснений, не больше, и я молчу. Прошу.

АКТЕР (*после паузы*). Монолог влюбленного юноши?

АКТРИСА. Да, да. Передо мной. Вот я сижу, восемнадцатилетний объект твоей безумной любви. Ну?

АКТЕР. Знаешь...

АКТРИСА. Нет пока...

Закрывает рот рукой.

АКТЕР. Знаешь, когда я долго тебя не вижу... То становлюсь... как-то суровее... Мне хочется, чтобы ты иногда видела меня... И гордилась мной... Наверное, все моменты, когда бы я мог тебе понравиться, происходили без тебя... А когда ты рядом... Я, кажется, всю жизнь этого добиваюсь... Но когда ты рядом, тебя со мной как - будто нет... Я тебя теряю...

АКТРИСА (*смотрит в противоположную от него сторону*). Слушай, тебе не кажется, что здесь кто-то есть? Это не ОН? Может, пойдём посмотрим? Это ужасно, если ОН сейчас прослушивает все эти наши... Любовные монологи.

Оборачивается к Актеру, и видит, что тот едва сдерживает себя.

О, прости. Прости, ты действительно хорошо говорил, я почти поверила. Только знаешь, я думаю... Когда мы вынуждены играть роли... где персонажи гораздо моложе нас самих... Не знаю... мне это просто неприятно. Понимаешь, это вранье от начала и до конца. Это ведь того, кто старше, сыграть легко... Гораздо легче. А ТО время... Мы не те, и теми никогда не будем...

АКТЕР (*перебивает*). Ты же прекрасно знаешь, что ЕГО сейчас здесь быть не может. ОН еще ни разу не появился, когда давал такие записки. И никогда не спрашивал, что там получалось. ЭТО ЕГО ИГРА, но происходит она без него. Он так решил.

Косится почти с ненавистью на портрет.

АКТРИСА. Прямо «серебряная фабрика» безумного Энди. Но сейчас не Нью-Йорк шестидесятого. Они ставили камеру, включали, покидали здание. Все в какой-то момент «ломались», даже Сальвадор Дали. Начиналась своеобразная клаустрофобия. Нет режиссёра – нет театра. Ладно... Ты хочешь сказать, что всё это ты придумал сейчас? А?

АКТЁР Что придумал?

АКТРИСА. Свой сексуальный припадок.

Встает и начинает прохаживаться.

АКТЕР. Нет...

АКТРИСА. Вот, вот. Значит, это объяснение у тебя уже было. Было?

АКТЕР. Было... Похожее.

АКТРИСА. Так ты же только что с пеной у рта обвинял меня в безнравственности. В том, что я продаю свои бывшие слова? Свои бывшие чувства? А сам-то что?

АКТЕР. Ничего я не продаю.

АКТРИСА. Стоп! Это значит, ты сейчас вполне серьезно объяснялся мне в любви?

АКТЕР. Я вспомнил себя тогда... Это было, и я ЭТО вспомнил. Так что...

Шумно вздыхает.

Все правда. А ЕГО нет, уверяю тебя. Только ты и я.

АКТРИСА. Мучаемся.

Садится в свое кресло.

П а у з а . Кассета заканчивается. Музыка прекращается.

Включи еще, а? Так было хорошо. А сейчас чего-то совсем пусто.

АКТЕР встает, переворачивает кассету и, предварительно убедившись, что Актриса на него не смотрит, переворачивает портрет лицом к стене. Возвращается и садится в свое кресло.

Твоя кассета?

АКТЕР. Моя.

АКТРИСА (*одобрительно на него смотрит*).
Подобрано со вкусом. А кофе-то наш. Того.

АКТЕР (*оглядывается на стол*). Н-да. Наверное,
остыл.

АКТРИСА (*встает, начинает, как манекенщица,
прохаживаться в такт музыке перед зеркалом*). Похоже?

АКТЕР (*смеется*). Длины только не хватает.

АКТРИСА (*продолжая изображать*). Фи. Тебе
нравятся дюжие женщины? А сам-то как ты с ними
смотришься, не думал?

АКТЕР (*пододвигая стол с кофейником*). Ошибка.

АКТРИСА. Чего?

АКТЕР. Ошибка была с самого начала. Надо было,
наверное, начинать с кофе.

АКТРИСА (*переставая ходить*). Вот как?

АКТЕР. Да и тогда бы все шло, как по маслу. Кофе
бы нас взбодрил.

АКТРИСА. Может, подогреть?

АКТЕР. Не надо.

АКТРИСА. Новый заварить?

АКТЕР. Я не хочу, ты можешь...

АКТРИСА. Да ходить никуда не охота. Слушай, твоя
музыка меня заворожила. Мне здесь даже начинает
нравиться.

Пробует на прочность кресло.

Всю жизнь мечтала о такой внушительной мебели... Так.
Стоп! Придумала. Картина вторая!

Встает, декламирует в зрительный зал.

«Возвращение блудного любовника». Мой бенефис. Возвращение человека, который мучил меня в течение пятнадцати лет. Он, это будешь, как ты и сам, наверное, догадался, – ты.

АКТЕР. А... Это значит... Сейчас мы будем постарше. Не мог же я начать тебя мучить в свои пятнадцать лет.

АКТРИСА. Да чего ты уцепился за наш с тобой возраст? Ты забудь про него вообще. Наш возраст – это нечто абстрактное.

АКТЕР. Ну, а... Острова?

АКТРИСА. Я думаю, в процессе представления, Острова всплывут сами... Представь, что мы уселись на вулкан страстей, и будем отплясывать танго смерти. «Чуть больше, чем секс, чуть меньше, чем жизнь. Так, кажется, профессионалы трактуют этот развратный танец.

Сосредотачивается.

Ну-с...

АКТЕР. Погоди...

АКТРИСА. Чего опять?

АКТЕР. Я думаю, лучше будет, если бы мы встретились спустя пятнадцать лет.

АКТРИСА. Чем же лучше?

АКТЕР. Как тебе сказать... Это легче себе представить.

АКТРИСА. Ну, хорошо. Итак: где ж ты, дорогой, был все эти пятнадцать лет? И теперь тебе срочно понадобилась моя любовь?

АКТЕР *(откашливается)*. Просто я увидел тебя вчера... На улице.

АКТРИСА. Вчера? А я тебя не заметила.

АКТЕР. Я знаю. Я даже прошел за тобой. И ходил довольно долго...

АКТРИСА. А чего ж не подошел?

АКТЕР. Не знаю... Не решился.

АКТРИСА. А сейчас... Решился придти ко мне домой. А ты не подумал, что у меня дома мог быть...

АКТЕР. Муж, что ли?

АКТРИСА. Ах, как пренебрежительно сказано! Да, муж.

АКТЕР. Извини, я наверное, не тем тоном сказал.

АКТРИСА. Да уж, совсем не тем.

АКТЕР. Просто, когда я увидел тебя вчера... Все как будто перевернулось, и с новой силой... Я понимаю, что тебе всего этого не нужно... Но ничего с собой поделаться не могу.

АКТРИСА. А при чем тут я?

АКТЕР. То есть как? Я же к тебе обращаюсь.

АКТРИСА. Это я понимаю. С какой стати я должна страдать из-за этих твоих... всплесков. Выпей вот... Кофе.

Наливает ему кофе.

АКТЕР *(смотрит в кашку)*. Все тот же? Божественный напиток.

АКТРИСА *(не без гордости)*. Этот – бразильский.

АКТЕР. Муж достает?

АКТРИСА. Да какая разница? Пей.

Пауза.

Он пьет кофе и слегка морщится.

АКТЕР. Ты хоть чуть-чуть помнишь меня?

АКТРИСА. Помню. Вихрастенский такой... Мальчуган. Шустренький.

АКТЕР. Ничуть не изменился?

АКТРИСА (*смотрит на него*). Немного. Выражение лица... То же.

АКТЕР. А ты изменилась.

АКТРИСА. Постарела?

АКТЕР. Нет. Похорошела.

АКТРИСА (*смеется в сторону*). Все вы врете.

АКТЕР. Кто «все»?

АКТРИСА. Мужики, кто ж еще.

АКТЕР. Только интонация осталась та же, даже странно, я вновь почувствовал себя идиотом, как только услышал твой голос.

АКТРИСА. Не обижайся... Я знаю, на что ты рассчитывал. Что я буду приятно удивлена твоим появлением, как минимум...

АКТЕР. Почему? Ты могла бы меня и выгнать.

АКТРИСА. Все ясно. Ты ожидал всплеска. Любого. Всего, только не равнодушия. Так ведь?

АКТЕР. Да, так.

АКТРИСА. Ты чуть-чуть опоздал. Чуть-чуть. Я тебе потом объясню.

АКТЕР. Да... Столько лет прошло, а ты...

АКТРИСА. Просто я достигла такого состояния, когда... Реакции притупляются. Считай, что я повисла у тебя на шее, только мысленно... Я слышала, что ты добился на каком-то поприще успеха, я с этим тебя мысленно же поздравляю. Но...

АКТЕР. Но?

АКТРИСА. Но здесь ты за эти пятнадцать лет положения не изменил. И не изменил бы, даже если бы появился через сто. Такие дела.

АКТЕР. Да, жизнь действительно,— миг. В течение одной жизни порой нельзя... Хоть как-то изменить...

АКТРИСА. Ну, положим, некий мужчина не лез из кожи вон, чтобы в течение этой самой жизни изменить к себе отношение некой женщины...

АКТЕР. Тебе нравилось... То время?

АКТРИСА. Ничего... Все было таким... Долгим и радужным праздником... Никто не мог отравить существование...

АКТЕР. Сейчас отравляют?

АКТРИСА. Это я так. Тогда... Все было в первый раз...

Встает с кресла, прохаживается, манипулируя со своими волосами.

Эх, появился бы ты чуть раньше...

АКТЕР. Еще раньше?

АКТРИСА. Нет, не тогда... Годочек назад... У меня затяжной такой... Бабий кризис. Тогда меня голыми руками можно было взять. Год назад ты бы меня просто не узнал... Я была такой... Доверчивой, плаксивой размазней... Вот хватай, и что хочешь, то и делай. Черный час. И была бы тебе рада... серьезно... а сейчас... Силы восстановлены. И все возведено на нормальные жизненные рельсы.

АКТЕР. Черт бы их побрал... Эти рельсы.

АКТРИСА. Э, нет! Не надо ссорить меня с моей действительностью... Она только моя. И моей НОРМАЛЬНОЙ жизни никакие призраки страшной давности, вроде тебя, помешать не могут. Я уже не спрашиваю, зачем ты все-таки пришел, я просто вспомнила, из-за чего мы с тобой расстались. Ты всегда

делал то, что хотел, и сейчас ты пришел потому, что тебе, видите ли, захотелось. Ты думал только о себе, а то, что у меня могут быть неприятности, это тебя не волновало. Так нельзя. Привычки надо менять. Хотя бы раз... В пятнадцать лет... Так что ты и здесь опоздал...

АКТЕР. Мы расстались не из-за моих привычек, у меня их тогда просто не было.

АКТРИСА. Ты просто плохо помнишь. Были. Еще как были. Так что ты сам себе навредил своими дурацкими принципами, откуда они у тебя тогда только взялись.

Пауза.

АКТЕР. Мне уйти?

АКТРИСА. Как хочешь. Пей кофе.

АКТЕР. Спасибо... Что не прогоняешь.

АКТРИСА. Пожалуйста... А... Чем ты занимаешься?..

АКТЕР *(после паузы)*. Пишу...

АКТРИСА. Вот как? И что же?..

Удивленно на него смотрит.

АКТЕР. По всякому...

АКТРИСА. Так ты... Писатель?

АКТЕР. Ты этого не допускаешь?

АКТРИСА. Ну почему же... И даже теперь понимаю, почему ты все-таки решился прийти.

АКТЕР. И почему же?

АКТРИСА. Ой, только не надо сразу этого фамильярного тона. Ты думал, что я, как только я узнаю, что ты писатель, сразу грохнусь в обморок.

АКТЕР. Ты ошибаешься.

АКТРИСА. Н-нет! Ты смотри, вот это эгоизм глобального масштаба. Мужской эгоцентризм,

возведённый в степень. А если бы я сейчас разрыдалась, как последняя лохушка, взмолилась бы на коленях о прощении, тогда что? Тебе не было бы меня жалко?

АКТЕР. Такого не могло быть.

АКТРИСА. Еще как могло! Все вы боготворите единственный неприступный образ. Который дал вам пинка. Вот – женщина! Вот – идеал! А если этот самый идеал вдруг оказывается у ваших ног, то тут же теряет былую привлекательность. Какой же это идеал, если он слаб! Пусть на минуту! Этого ваш брат нам не прощает, не-ет. Вы говорите, – ну, что это такое... Я-то тебя помнил... Гордой, молодой красивой... А ты стала старой, некрасивой... и не гордой. Так ведь? А, принц с острова? В чем я, хоть на столечко, не права? Идеал, – то, что вашим не было. А кто был, тот – говно на палочке.

АКТЕР. Но ты... Была моей...

АКТРИСА (*отворачивается, с улыбкой*). Не была я твоей никогда.

АКТЕР. Вспомни... На островах... Была чудная июньская ночь...

АКТРИСА. Не было этого. Ночь была, я помню, а этого... не было.

АКТЕР. Зачем друг другу лгать... Какая сейчас разница?

АКТРИСА (*пристально на него смотрит*). Ладно. Это было мгновенным приступом безумья... Не больше. И я не помню. Давно и неправда.

Пауза.

Скажи... А успех... Он был у тебя? Это правда? Что ты добился в жизни всего, чего хотел?

АКТЕР. Нет. Его у меня не было.

АКТРИСА. То есть как... Совсем не было?

АКТЕР. Наверное... Я все принимал, как должное... И так и не понял... Что не заметил его... Или прозевал... Не знаю. «Интерес человека к миру – это просто переизбыток интереса к самому себе». Это сказал Бернард Шоу. Великий ирландец.

П а у з а .

АКТРИСА. Знаешь, мне дико от тебя все это слышать.

АКТЕР. Я так понимаю, картина исчезла... испарилась.

АКТРИСА. Да, да. Только кажется, мы все время играем и грани нет.

АКТЕР. Мои аплодисменты тебе.

Х л о п а е т .

АКТРИСА. Мерси. Только откуда ты все это выкопал.

АКТЕР. Ниоткуда... Само... Придумалось.

АКТРИСА. Да? Просто так взялось и придумалось?

АКТЕР. Да, а что?

АКТРИСА. А чего это ты выбрал себе поприще... Писатель.

АКТЕР. Мне нравится. Считаю, что это ностальгия по несбывшимся мечтам. У тебя разве нет... мечты?

АКТРИСА. У меня. Даже если бы и была, с чего ты взял, что я буду перед тобой распинаться. Хоть у нас с тобой и был роман на островах.

С м е е т с я .

АКТЕР. Что тут смешного?

АКТРИСА. Да это я так... Представила. Как это могло действительно быть.

АКТЕР. Мы, кажется, до сих пор только этим и занимались.

АКТРИСА. Я же говорила тебе, что мы от разных точек отталкиваемся. Понимаешь, для меня это до сих пор было нечто совершенно абстрактное. То есть я ни на секунду не могла представить тебя действительно в этой роли... Как-то не вяжется. Что же мне делать, если не вяжется? Сыграть я могу, а что-то представить себе реально... Хоть ты так на этом сейчас активно настаиваешь... Не-ет. Не могу. И, кстати, страдает твоя половина пьесы, хоть ты и вообразил себя писателем.

АКТЕР. Почему?

Встает и выключает магнитофон.

АКТРИСА. Чего ты его выключил?

АКТЕР. Пусть отдохнет. Так почему страдает моя половина?

АКТРИСА. Единственная фраза, которая мне понравилась, и то, оказывается, Бернард Шоу. В какой это пьесе?

АКТЕР. «Дом, где разбиваются сердца».

АКТРИСА. Ах, да, «любая догма, есть реакция», как говорил великий Маркес... Я-то ведь застряла на «Пигмалионе». И потом, – ты не даешь совсем побыть слабой.

АКТЕР. Ты не можешь быть слабой.

АКТРИСА. Прикинуться могу. Как только ощую волосатую такую руку... С татуировкой. Ты только не обижайся, по-моему, у тебя не получится. У меня был знакомый, который по каким-то там восточным методам

умел перевоплотиться в змею. Правда, он потом, весь перевоплощенный, пополз к психиатру. А для тебя перевоплотиться в... писателя... Будет труднее. Или даже мужчину, ТОГО, которого я от тебя пытаюсь добиться. А ты уже в двух картинах играл роль размазни. Все «Мне уйти?» или «Мне не уходить?». Сю-сю, да мня-мня. Мне не интересно.

Пауза.

Я понимаю, что тебе тяжело это слышать, но это правда. Даже если... это действительно, твоя несбывшаяся мечта.

АКТЕР. А ты... Сама. Достигла всего, чего хотела в жизни?

АКТРИСА. Обмен вопросами? Так я тебя спрашивала играючи, как ты помнишь. Тогда это подходило... К финалу нашей... с тобой гениальной второй картины.

АКТЕР. И все-таки?

АКТРИСА. Да, всего. Всего, чего я хотела, я в жизни добилась.

АКТЕР. А... Экран?

АКТРИСА. Э-э, нет... Этого мне не надо.

АКТЕР. Но почему? По-моему, любой настоящий артист этого хочет, что в этом плохого?

АКТРИСА. Раньше... Когда я была в том возрасте, по которому мы сейчас дружно тоскуем. Я, конечно, мечтала. Я все думала, что явится молодой и красивый, непременно бородатый режиссер, и скажет: «Только вы!» Я бы умерла от счастья. Но этого не случилось.

АКТЕР. А сейчас?

АКТРИСА. Ну, раз уж тебя это так волнует. Сейчас меня какой не купишь. В принципе, я тебе уже все сказала. Да ты, наверное, усиленно сочинял финал.

АКТЕР. Я как раз хотел узнать, насколько это была ТЫ.

АКТРИСА. Это была как раз я. Никакой импровизации. И я тебе сказала все, что думала. Не надо призрачных грез и театра. А популярность? Что в ней хорошего?

Встает и начинает разговаривать со своим отражением.

Здесь...

Показывает отражению в зрительный зал.

... я почти всех знаю. Ходят-то, в основном, одни и те же. Там, – блатные.

П о к а з ы в а е т .

Там, – студенты. Там, – просто так. Вот здесь, – сидит каждый вечер старушенция в беретке... Она приходит каждый божий день. Я к ней привыкла. Видел хоть раз ее?

АКТЕР. Н-нет.

АКТРИСА. Вот... Я даже с ужасом думаю, что она когда-нибудь умрет... Я ее даже... полюбила... ОНА меня узнает.

АКТЕР. И многие другие.

АКТРИСА. Нет, нет. Это от телегероев шорох в толпе. А толпа, чтобы ради нее надрываться, этого не стоит. Главное – не популярность, а качество во всём. Стандартное качество популярности меня не устраивает. У меня есть свой круг, и хватит с меня. Не одна толпа еще не оправдала надежд. Ну, что? Хватит? Разбегаемся?

АКТЕР. Даешь последний шанс?

АКТРИСА. Что-то я устала, слушай.

Начинает массировать себе виски.

Куда подевалась твоя прекрасная музыка?

АКТЕР. Сейчас все будет.

Идет к магнитофону, вставляет новую кассету.

АКТРИСА. Ладно. Даю прощальный. Только вот, попроще твое. Писательское... Понимаешь, что солидная претензия?

АКТЕР *(возвращается)*. Хорошо, можно придумать что-нибудь попроще. Ну... например... Успех в изготовлении. Какой-нибудь уникальной стальной болванки...

АКТРИСА. Непременно уникальной?

АКТЕР. Непременно. «Я был слесарь шестого разряда! Я полочки на ветер бросал! А получал я всего сколько надо. И плюс премия каждый квартал.»

АКТРИСА *(хлопает в ладоши)*. Бесподобно. Но на слесаря ты действительно не похож... Скорее на спившегося писателя...

АКТЕР. Почему обязательно «спившегося»?

АКТРИСА. Все, стоп! Есть идея.

АКТЕР. Блудный любовник? Да еще спившийся. Мрачно.

АКТРИСА. Ну и что? Ты же реалист Любишь, наверное, социализм, и всю эту «арбузовскую», или «володинскую» драматургию.

АКТЁР. Люблю, ну и что?

АКТРИСА. Да всё нормально, я тоже!

Вот и давай.

С о б и р а е т с я.

Значит так. По-моему, вполне стандартная ситуация. Он, то есть ты... Приползаешь после очередной оргии... К ней, то есть ко мне. Приползаешь во вшах и пьяненький. К последнему приюту.

АКТЕР (*усмехается*). Оплеванный и преданный всеми.

АКТРИСА. Знакомо? Прекрасно. Это опять будет мой бенефис. Скажем – микробенефис. Потому что тебе предстоит только нахохлиться...

Взъерошивает ему волосы.

Вращать зрачками... Безумно так... Ну, повращай...

ОН изображает злодея.

АКТРИСА. Во-от. Годится. И еще надо поливать меня грязью.

АКТЕР. А записка?

АКТРИСА. Да погоди ты со своей запиской. Я тебе кинула кость, глодай ее со всех сторон. У тебя голова на плечах есть? Пей кофе.

АКТЕР (*тупо смотрит на кофе*). Где он? Кофе твой.

АКТРИСА. Сейчас, дорогой, все будет.

Пауза.

Что еще?

АКТЕР. Не надо этих «дорогих» и тем более «все будет».

АКТРИСА. Ты смотри! А знаешь, пожалуй ты прав. Значит, я внутренне должна сопротивляться. Так что ли?

АКТЕР. Я думаю, да.

АКТРИСА. И в конце... Вовсе воспрянуть... Этак... расправить крылья.

АКТЕР. Как получится.

АКТРИСА. Думаешь, не получится? Ты меня бить опять не будешь?

АКТЕР (*краснеет*). Не буду. Скажи только что-нибудь... На счет моей внешности.

АКТРИСА. Так, чтобы тебя разозлить? Тебя или твой вдохновенный образ? Писателя-забулдыги.

АКТЕР. Вот, спасибо. Это и есть начало третьей картины. У меня был определенный успех, – а теперь кризис.

АКТРИСА. Творческий?

АКТЕР. Да, творческий кризис... Состояние такое... общей подавленности.

АКТРИСА. Ну, а ОНА?

АКТЕР. Я думаю... Пусть любит.

АКТРИСА. Его любого?

АКТЕР. А как еще можно любить?

АКТРИСА. А так. В некоторые моменты он мне может быть и отвратителен.

АКТЕР. Стандартная бабья точка зрения.

АКТРИСА. Что?! Ты, знаешь что, играй, играй, а словам волю не давай! Разыгрался... Артист.

АКТЕР (*к ужасу Актрисы*). Ладно, хватит болтать! Мне сейчас положено... Меня все предали... Кто мог, кто не мог. И даже тот, на кого мне, в сущности... Начхать. И тот улучил момент, чтобы плюнуть мне в рожу.

П а у з а .

АКТРИСА. И ты пришел ко мне...

АКТЕР. Да. Я пришел к тебе.

АКТРИСА. Пьяный.

АКТЕР. Выпил, да. Мне уйти? Удалюсь по первому жесту. Улетучусь, как поганый червь... выползу.

АКТРИСА (*в сторону*). Боже мой, почти что Гамлет, почти что Смоктуновский. (*Ему.*) Сиди. Куда ты в таком виде пойдешь? Ведь знаешь, что я всегда приму тебя... И твой автопилот всегда ведет тебя только сюда... Интересно, почему?

АКТЕР. А! Перестань канючить. Без тебя тошно.

АКТРИСА. Потому, что... Только здесь... Ты всегда можешь сказать все, что хочешь... только на мне ты можешь сорвать злость, ничуть не думая о последствиях, потому что я тебе все прощаю... только у меня ты можешь разрыдаться... не боясь, что тебя за это кто-нибудь осудит, потому что я для тебя, – пустое место. Только здесь будут слушать все, что бы ты не говорил... А когда закончится эта цепь передрыг... Когда вернется к тебе твой успех...

Всплескивает руками и смотрит, как этот жест получился в зеркале.

АКТЕР. Все – болтовня. Много сегодня болтаешь...

АКТРИСА. Тогда ты забудешь сюда дорогу... И я тебе буду больше не нужна.

АКТЕР. Прекрати, я тебя как человека прошу.

АКТРИСА. Хочешь кофе?

АКТЕР. Он у тебя получается скверным. Отрава, а не кофе.

АКТРИСА. Свари себе сам... Хозяйничай! Только здесь ты можешь делать все, что хочешь. Тебе не тошно быть в этом доме хозяином? Знаю, пока кризис – не тошно. Снимай носки, я тебе постираю... Раз приняла роль твоей отдушины, надо играть ее до конца...

Садится к его ногам и начинает развязывать ботинок.

АКТЕР. Отойди от меня!

*Машинально отталкивает ее ногой, ОНА
опять садится на пол примерно в то же
положение, что и в первый раз. В какое-то
мгновение в глазах его ужас, но потом их
опять застигает пьяная пелена.*

АКТРИСА (*отворачиваясь от него к зрительному залу*). Господи, как с собакой!

П л а ч е т.

АКТЕР. Перестань реветь, черт бы тебя не видал!

АКТРИСА (*встает, в который раз осматривает свою юбку*). Все... Можно выкидывать.

АКТЕР. Что?!

АКТРИСА (*после паузы*). А ты не разу не задумывался, что я – человек? А я ведь где-то слышала, что человек, – это звучит гордо. Хочу быть гордой... Хочу, чтобы ко мне приходили в трезвом виде и с цветами. Хочу...

АКТЕР. Какая же... ты все-таки дура...

АКТРИСА (*отворачивается от него, вновь пытаюсь сдерживать слезы*). Да... Я дура...

АКТЕР. Прекрати... Или я сейчас уйду.

АКТРИСА. Да уходи ты куда хочешь, господи.

АКТЕР (*встает, оглядывается, делает движение в сторону*). Ладно.

АКТРИСА. Ты... Ты куда?

АКТЕР. Сама же прогоняешь. И учти, – то, что ты мне здесь несла, – это заблуждение. Да, мне сейчас тяжело, да, – у меня неприятности. Но к кому я еще пойду, как не к близкому человеку. Ты должна быть горда тем,

что помогаешь мне в трудный момент. А ты... Разнылась, как всегда... «Человек, это звучит гордо»! Кто это тебя научил?

АКТРИСА (*жалобно*). Не уходи, я прошу тебя.

АКТЕР. Опять эти стоны... Чего меня только принесло.

АКТРИСА. Не уходи, умоляю...

Сквозь слезы.

Если бы ты только знал... Я вскакивала по ночам, потому что знаю эту твою дурацкую привычку являться только ночью... Я вообще потеряла сон, я черт знает на что стала похожа... Господи, я так с ума сойду... Я все время жду... жду... Не уходи... Прости меня... Умоляю.

АКТЕР. Все, все, не надо никаких слов! Все нормально. Слышишь? Рыдания на сегодня отменяются. Сейчас сварю кофе.

ОНА тяжело опускается в свое кресло.

Что с тобой?

АКТРИСА. Ничего. Кофе? Там, на кухне, я сейчас тебе покажу.

Пытается встать и падает обратно в кресло.

АКТЕР. Тебе плохо? Где у тебя аптечка?

АКТРИСА. Не суетись, все нормально. Сядь, я прошу тебя... Не ходи взад-вперед, сядь...

ОН садится.

АКТРИСА. Понимаешь, я просто... боялась. Боялась, что сейчас уйдешь.

АКТЕР. Понятно. Успокойся.

АКТРИСА. Потому что...

АКТЕР. Все ясно, только без истерик.

АКТРИСА. Я ждала тебя... Я себе зачем-то внушала, что можно быть счастливой одним только ожиданием...

АКТЕР. Ясно.

АКТРИСА. Тебе, как всегда все ясно.

АКТЕР. А-ай, прости, прости меня. Только не устраивай больше истерик.

АКТРИСА. Обещаю. Никогда и ничего больше не устраивать...

АКТЕР. Ты же знаешь, я не переношу твоих этих... Слез.

Пауза.

АКТРИСА. А помнишь ты... Острова?

АКТЕР. Какие еще острова?

АКТРИСА. Где ты пил свой королевский кофе?

АКТЕР. Королевский кофе... пьют дома. «После запаха прерий... королевский свой кофе я пью...» Так, кажется.

АКТРИСА. Это...

АКТЕР. Это – Киплинг. А мой кофе... На островах...

АКТРИСА. Наш...

АКТЕР. Так это было слишком давно... Кажется... Сколько лет прошло?

АКТРИСА. Пятнадцать... Прошло пятнадцать лет... Потом у тебе пришел успех, и ты забыл меня...

АКТЕР. Если хочешь знать... Весь мой успех, – это фикция. Его не было. И, наверное, не будет. Если он и будет, так ТОТ ЕЩЕ. Результат того, что может родить посредственность, если изо всех сил будет пыжиться. Все это, – пошное, неинтересное лазание по самому себе. И то,

что я писал... Интерес человека к миру, это просто переизбыток интереса к самому себе. Тот, кто пишет, так или иначе приходит к такому выводу и без помощи мыслителей, калибра Бернарда Шоу. У них пальма первенства, больше ничего. А там... мне... Что остается мне? Перемалывание в своих уставших мозгах того, что уже лучше меня продумали те мозги, которые лежат в формалине с ярлыком гениальности... Я дал впихнуть себя в формат, скурвился до сериалов, я выхолостил свой мозг этой гонкой к месту под солнцем. Гений, – это тот, кого нет... Эта магия смерти... Лишь она... Позволяет человеку вдруг стать гением...

Неожиданно хлопает себя по лбу.

Чего-то я совсем с тобой... Зарапортовался. Ладно, давай свой кофе... Бывший королевский.

У с м е х а е т с я.

П а у з а .

АКТРИСА. Прощальный.

АКТЕР. Чего?

АКТРИСА. Прощальный кофе.

АКТЕР. Это почему?

АКТРИСА. Просто... после этого кофе уже ничего не будет. Во всяком случае, у нас с тобой... «прости за эти слезы... Убожество моё и божество...»

АКТЁР. Это чьё?

АКТРИСА. Это Цветаевой. Марины Ивановны. Знать надо, товарищ писатель. «Фортуна». Монолог Изабеллы Чарторийской. *(Возвращается в образ.)* Она когда-то в этом театре шла.

Я, правда не выдержала...

АКТЕР. Чего ж ты меня тогда... Удерживала? В ногах здесь у меня валялась?

АКТРИСА. Неужели не понимаешь? Мне надо было, чтобы в последний раз... Игра была в мою... В мою пользу.

АКТЕР. Ты спятила, что ли?

АКТРИСА. Значит не будем и кофе. Не будем ничего...

Смотрит в зал.

Вот, если бы завтра проснуться, заглянуть в окно, а там ничего нет! И ни у кого ничего нет, и мы все вместе будем все начинать сначала... Тогда я была бы счастлива. А так... Тяжело... Лет много.

АКТЕР. Это точно... Старческий маразм.

АКТРИСА (*грустно*). Спасибо...

АКТЕР. На здоровье.

АКТРИСА. Так... Носки ты не снял...

АКТЕР (*тупо смотрит себе на ноги*). Причем тут мои носки? Ты жаждешь, чтобы я ушел? Я уйду. Только не надо этих твоих штучек. Я уйду навсегда, учти.

АКТРИСА. Именно этого я хочу. Чтобы навсегда. И чтобы я тебя больше никогда не увидела.

АКТЕР. Это как? В другой город уедешь, что ли?

АКТРИСА. Дурак... Когда ты начинаешь сомневаться в себе, ты глупеешь прямо на глазах.

АКТЕР. Я ни на секунду не сомневался в себе. Просто мне интересно.

АКТРИСА. Тебе интересно, куда ты причалишь в следующий раз... Ведь чтобы воспитать такую бабу, как я, нужна масса сил! А главное, — время! Откуда оно теперь возьмется у тебя. Ты же жутко занят... Да и здорово ты... поизносился за эти пятнадцать лет.

АКТЕР (*после паузы*). ОГО! Я так и думал... У тебя кто-то есть.

АКТРИСА. Да? Разве у меня может кто-нибудь быть? В то время, как на белом свете существует ваша светлость? Разве могла природа произвести кого-нибудь лучше тебя? Представь произвела... Убирайся.

АКТЕР. Э, н-е-ет! Прежде чем убраться я все-таки хочу узнать, сколько времени ты водила меня за нос?!

Кидается на нее, сгребает в объятиях, потом с ужасом на нее смотрит, – ОНА почти без чувств.

АКТРИСА. Ничтожество...

АКТЕР (*отпускает ее, ОНА еле стоит на ногах*). Сказал тебе правду... И за правду страдаю...

АКТРИСА. Я давно все это знала... Я знала тебя лучше, чем ты сам.

АКТЕР. Но... Любишь же ты меня?

АКТРИСА. Уходи... Борись за успех. Желаю удачи...

Длительная пауза. ОНИ смотрят друг на друга.

Потом одновременно начинают друг другу аплодировать

АКТРИСА. Ты мне сейчас даже чем-то понравился. Приятно удивлена. Поздравляю.

Жмет ему руку.

Интонация найдена, можно отправляться в кругосветное плавание... Вдвоем, а?

Подмигивает ему.

Только вот юбку... Придется выкинуть. Не можешь ты без насилия.

АКТЕР. Я совершенно потрясен твоей... Игррой.

АКТРИСА. Это что, новая картина, что ли?

АКТЕР. Нет, совершенно искренне.

АКТРИСА. Ну, так... Я разогрелась... Разыгралась. Видишь, даже слезу пустила. Знаешь, меня здорово подогревало вплести сюда еще ребенка, но потом я все-таки решила, что мы удалимся от основной идеи... Кроме того, ты был просто к этому не готов. Правда?

АКТЕР. Сейчас я уже не знаю... Да, ребенок здесь, пожалуй... Ни при чем.

АКТРИСА. Слушай, а чего ты всякий раз так... активно... отмежевываешься от успеха?

АКТЕР (*горько усмехаясь*). Чтобы не быть в твоих глазах посмешищем. Только из-за этого.

АКТРИСА. Ну почему? Это ты зря, слушай. Вовсе нет! Попробуем?

АКТЕР. Конечно.

АКТРИСА. Сейчас, погоди... Надо чуть-чуть отдохнуть.

Вынимает из кармана платок, стряхивает его, протирает перед зеркалом лицо.

Какая прелесть, – это зеркало! Всю жизнь мечтала о таком.

АКТЕР. Так в чем же дело?

АКТРИСА. В какую квартиру оно уместится? Нашему брату таких квартир не положено. Принеси воды, а?

АКТЕР. Момент!

Убегает за водой. Она прохаживается по сцене. Берет в руки меч, готовится зара-

нее поднять приличный вес, но меч оказывается легким. Проходит мимо портрета, машинально переворачивает его лицом к себе, и чуть ли не шарахается от него. Потом подходит ближе, внимательно рассматривает лицо, на нем изображенное.

Приближаются шаги Актера. ОНА торопливо переворачивает портрет лицом к стене, берется пальцами за виски, напряженно о чем-то думает.

Появляется АКТЕР

АКТЕР (*подавая ей стакан с водой*). Ледяная.

АКТРИСА. И это хорошо.

АКТЕР. А что еще?

АКТРИСА (*отрывается от стакана*). Все остальное. Слушай! Я вот сейчас подумала, пока ты бегал. Жест твой... На счет любовника, — это было просто здорово. А ты, оказывается, можешь мыслить вполне реально, когда захочешь! А, главное, — самостоятельно!

АКТЕР. Что значит «самостоятельно»? Ты думаешь, мной кто-то руководит? Но кто?

АКТРИСА (*отпивает из стакана*). А вот... Если бы ты меня застал с любовником, то было бы гораздо интересней.

АКТЕР. И короче.

АКТРИСА. Или... Если бы он тебя застал здесь... Он бы выкинул тебя... С лестницы. И ты бы летел.

АКТЕР (*явно начиная нервничать*). И летел бы себе.

АКТРИСА (*явно его задирая*). Да, да. Все было бы именно так. И еще! Он бы тебе съездил по морде...

Неумело на него замахивается.

АКТЕР (*пьянится от нее, слегка защищаясь*). Пожалуйста, пожалуйста! По морде, так по морде! Только зачем так остервенело? Картина же кончилась мирно... относительно. Тебе крови хочется, что ли?

АКТРИСА (*торжественно*). Да! Мне вдруг стало искренне жаль свою героиню... И ведь случай до обидного типичный. Девяносто процентов баб ведут именно такое жалкое существование, и всякие поганые алкоголики, такие, которого ты мне сейчас изображал, этим пользуются! Пользуются этой... ну...

С чувством.

...дурацкой добротой, которой у наших... русских баб... полна кубышка.

Декламирует в зал

Да здравствует всенародная борьба с пьяницами!

Ищет подтверждения у своего зеркального отражения.

АКТЕР. Я не пью.

АКТРИСА (*оборачивается к нему, с удивлением*). То есть как? Совсем?

АКТЕР. Практически совсем. Ни разу не напивался, это точно.

АКТРИСА. Ну и что в этом хорошего?

ОН пожимает плечами.

Вот если бы ты был бывший пьяница, – вот это героизм! Человек пил, и бросил. Какое надо иметь... как его...

Самообладание! Волю какую надо иметь. Так что гордиться тебе пока нечем. И потом... Ни разу не напивался... Как же ты мне здесь изображал пьяницу? Передач насмотрелся, что ли? Или коллеги научили?

АКТЕР *начинает смеяться.*

Смешно? Ну-ну.

П а у з а .

Знаешь, а ты бы вернулся?

АКТЕР *(сквозь смех)*. Куда?

АКТРИСА. Сюда... Ко мне. Ну... если бы застал меня... Сначала бы ты, конечно, ушел... Ну, а потом. Вернулся.

АКТЕР. Мой персонаж? Или я сам?

АКТРИСА. И ты, и персонаж. Все ж мужики одинаковые.

АКТЕР. Не все.

АКТРИСА. Ай, не это я имела в виду. Я говорю, – в чем-то. Самолюбьишко у всех есть, какое-никакое. Как же это, – было мое, а теперь, р-раз! И не мое. Обидно, правда? Своего-то всем жалко. А, мужчина?

АКТЕР. Если б меня выкинули? Вернулся бы. С молотком.

АКТРИСА. Да как ты не поймешь! Ведь странно: измена, по идее, должна разлучать? Она случает. И получается: если хочешь мужика удержать, – измени ему! Самый простой выход из положения. Приползет потом, как миленький! Приползет, за подол уцепится, и будет сидеть, как цуцик. Типичный приворот.

АКТЕР. Это не так.

АКТРИСА (*машет рукой*). Много ты понимаешь. Или можно ему дать возможность...

Подмигивает залу.

...Застать.

В диком восторге начинает прыгать по сцене.

Ох, какие у них бывают рожи! Как у котов, которые прыгают мимо птички. Ах, какие после этого монологи!

Мужским голосом.

«Гм... дорогая... я здесь... случайно зашел... С работы... Гм... По работе... Гм...» И т.д. и т.д. Не нужно никакой фантазии.

З а л у.

Нужен обычный магнитофон, и запестрит на афишах: «Внимание! Грандиозный спектакль! Монологи! Мужские монологи!» Цирк, да и только.

АКТЕР (*с трудом сдерживая себя*). И часто ты?

АКТРИСА. Что?

АКТЕР. Оказывалась в таких ситуациях?

АКТРИСА. Нет.

У с м е х а е т с я.

Не очень, но можно же себе представить. Было бы неплохо, если бы еще кто-нибудь...

Пристально смотрит на него.

...был здесь... Провели бы эксперимент... Прогнали бы и первый и второй варианты...

Осматривает зал.

Все равно никого нет? Кто нас осудит за такие эксперименты? Вот на Западе...

АКТЕР (*грубо перебивает*). Ну, хватит!

ОНА пристально на него смотрит.

(*слегка успокаиваясь*). Может, ты и права... Во всем, кроме одного... Все, что мы до сих пор играли... Это были руины. Остаток, ничтожный остаток былой привязанности... Который будет неизбежно уничтожен... Уничтожен! Изменой. Даже если бы он и вернулся...

АКТРИСА. Артист! Ты несколько застрял в образе...

АКТЕР (*не слышит*). Даже если бы он и вернулся... И, как ты сказала, уцепился за подол... То он делал бы это только в угоду собственному эгоизму... вылечил бы свое «самолюбьишко»! В единый миг. А потом? Он бы все равно ушел. Но если бы он ЛЮБИЛ ее! Да, да ЛЮБИЛ!

АКТРИСА. Ничего себе, любовь...

АКТЕР. Я не о нашей игре... Что в сознании влюбленного может быть страшнее измены? Ничего! Любая физическая мука, — мелочь в сравнении с этим... И если б не та... Волшебная сила... Которая оберегает влюбленные души... Всем все ясно, — да, измена, измена! Да, да, да! Всем ясно, но не им... Их сердца... Что-то оберегает... Они же не могут... Так сразу предстать перед изменой...

Пауза.

А ты все ЭТО... ЭТО... повергаешь в ранг...

Длительная пауза.

АКТРИСА. Ну, извини, коли что не так! «Любовная лодка разбилась о быт», как сказал Владимир Владимирович. Да не этот! Господин идеолог! Или как

тебя там! Все мы где-то... Даже не где-то... Обыватели... Хоть и играем любовь... почти каждый вечер. И в какой-то момент действительно любим... Ведь я только что сама на секунду поверила, что я рабыня того субъекта, которого ты сейчас изображал... Но ведь я АКТРИСА! Я иначе не могу, и мне иначе никто не поверит! И одной моей мимики здесь мало! Ведь им...

Показывает в зрительный зал.

... нужна моя душа! Они требуют душу, не больше, не меньше... И ее никакая сила не оберегает... Она переживает все то, что ей предназначали... И не всегда гении. И она, душа моя, должна все это впитывать, перерабатывать... Вот ее, может, и не хватает для настоящей любви... Той самой, да... Единственной и настоящей... Я ее натренировала, понимаешь? Она, душа моя, стала управляемой! А в любви, наверное, нужна какая-то неуправляемость! Да? И она, душа моя, привыкла вне этой сцены... Отличаться, да! Представь себе! Это, наверное, пошло, да? Варить щи, и заставлять душу отдыхать, потому что она понадобится мне вечером, наверное пошло?

АКТЕР (*после паузы*). Я этого... Понять не могу.

АКТРИСА. Ах, не можешь... Такое впечатление, знаешь, что я разговариваю действительно со слесарем шестого разряда. Который о театре понятия не имеет.

АКТЕР. И здесь... Не все думают так, как ты.

АКТРИСА. А ты их всех спрашивал? И вообще, в чем ты все время пытаешься меня убедить? Что я неправильно думаю? Живу? И что у меня не те нормы морали? Так может ты правильно живешь? А, артист?..

Пауза.

АКТЕР. Мы... Кажется... Еще собирались играть?

АКТРИСА. Ты сам все испортил. Своими монологами... О нравственности. Я устала, слушай.

АКТЕР. Но... Ты же сама.

АКТРИСА. Сама? Что «сама»?

АКТЕР. Предложила... Сыграть еще раз. Успех...

АКТРИСА. Понимаешь, утомительно. Ты сам не заметил? Я как будто очередь отстояла, да не одну. А я это больше всего не люблю. Вытаскивать из памяти свои ощущения, да еще умудриться переплестать их с твоими... Память, это единственное, что принадлежит мне... Это МОЕ... И я больше не хочу... Я и так выболтала тебе ой-ой сколько. Даже удивительно, как это ты лихо меня раскрутил. И потом... Я не люблю играть вслепую.

АКТЕР. Как это понять?

АКТРИСА. А так... Ты все подстроил.

АКТЕР. Могу дать самую страшную клятву, что нет.

АКТРИСА. А! Все равно врешь. Может, и не подстроил, но инициатива твоя.

АКТЕР. Клянусь самым сокровенным, что у меня есть в жизни... Это не так.

АКТРИСА. Ладно, верю. Ну, давай. Только поспокойней. Хватит мелодрам, мы должны дать чуточку ума своим персонажам. А то пока одни баталии. Картина...

АКТЕР. Четвертая.

Берет чашку, наливает себе кофе.

Божественный напиток. Время идет, а ты так и не научилась его заваривать.

АКТРИСА. А тогда... Ну, на островах. Ты охал и ахал. Помнишь... ТОТ кофе?

АКТЕР. Помню. Такое не забывается.

АКТРИСА. А я... Забыла... Представляешь?

АКТЕР. Очень жаль.

АКТРИСА. Ты любил... Меня?

АКТЕР. Да... Я любил тебя... И пришел потому... Что как только увидел тебя... То я вспомнил все... Так, как будто это было вчера.. А не пятнадцать лет назад.

АКТРИСА. Ты... Любишь меня.

АКТЕР. Н-нет. Но я помню, как это было.

АКТРИСА. Хочешь, я расскажу тебе, как это было?

АКТЕР. Очень не хочу. Те острова я оставлю для себя... И память о них... где-то на задних, самых заставленных полках. Я не тревожу эти воспоминания без надобности... Этого нельзя делать слишком часто. И вообще... Это существует вне нас... Помимо нас.

АКТРИСА. Но... Это же... наше!

АКТЕР. Скорее мое. Не было у нас ничего нашего, и я тебя не обвиняю... Ты просто не любила меня...

АКТРИСА. Ты, кажется, что-то похожее говорил ТОГДА... Или нет?

АКТЕР. Возможно! Только с другой интонацией... Голос тоньше... Глаза ярче... Это только кажется, что пройдут годы, и опыт вынесет нас на гребень... Но это уже сообразительность, а не фантазия... Что-то мы важное упускаем с годами... а бороться с этим... наверное, бесполезно. Скребет упорно... какую-то стену... и думает, что живет... Напыщенно так. С достоинством. Пришел мой черед, и я начинаю. Время подошло...

Понижает голос.

Так ведь это... Не от высокой поэзии! Это, пожалуй, от страха. Оглянуться. И сказать себе, – все лучшее уже позади! И никогда ты больше не влюбишься в первый

раз... И никогда небо больше не будет тем... И никогда в твоей жизни больше не будет ТЕХ островов. А, может быть,– никогда ты больше не останешься в дураках. И ничего в этом хорошего нет. Потому что это не от того, что сильно поумнел, а от того, что научился надувать других! А это... низко. И что же получается? Все, что было после тех островов,– воспоминаний не стоит. Счастье,– это острова... Ты.

АКТРИСА. Бедный... Бедный мальчик... Что я с тобой сделала!

АКТЕР. Не надо. Все так и должно было быть. Если бы хоть что-нибудь было иначе... То могло быть хуже в тысячу раз.

АКТРИСА. Но почему? Мы ведь... Могли быть вместе... Разве ты не об этом тогда мечтал?

АКТЕР. Это было... Тогда. Ты же должна понимать, что с тех пор многое изменилось...

П а у з а .

АКТРИСА. Я сильно поглупела?

АКТЕР. Нет.

АКТРИСА. Не сильно.

АКТЕР. Прошло...

АКТРИСА. Я прекрасно помню, сколько прошло.

АКТЕР. Время на всех... Действует по разному.

АКТРИСА. Слушай! А ты хочешь? Ну, все повторить? Это же можно... Поехать на те острова. Я согласна. Поехали. Ну? Что же ты?

АКТЕР. Нет. Я этого не хочу.

АКТРИСА. Но почему?

АКТЕР. Потому что это страшно... Убить одним махом все то лучшее, что было в жизни.

АКТРИСА. А... воскресить?

АКТЕР. Это живое... И воскрешению не подлежит... Убить можно... А воскресить нельзя. Надо же! Кто-то говорит, что знает, что такое память. Этого не знает никто.

АКТРИСА. А ты... Никогда не ошибаешься? Или ты боишься?

АКТЕР. Да, наверное... Боюсь.

АКТРИСА. Ты испугался... что...

АКТЕР. Что не будет тех декораций... и будет пусто...

АКТРИСА. Врешь, ты боишься не этого.

ОН подходит к авансцене.

Ты уходишь?

ОН молчит.

Зачем же ты... Приходил? Разве ты не хотел у меня остаться?

ОН молчит.

Скажи... Ты просто боишься... Что я скажу... Что люблю тебя?

АКТЕР. Просто я этого не хочу.

АКТРИСА. Но я не скажу этого.

АКТЕР. Уже сказала.

АКТРИСА. Что? Ты стал злопамятен? Вот уж не думала...

АКТЕР *(оборачиваясь к ней)*. Стал. Это приобретенное качество, и я долго ему сопротивлялся, поверь. Да и без злости. Прости, помню, и все.

АКТРИСА. Но ты пришел сам...

АКТЕР. Но за это... прости. Надо когда-то действительно кончать делать то, что хочется. Я слишком уж погряз... В этом... беге назад. К тому, что не вернешь.

АКТРИСА. Черт бы его не видал... Этот твой остров... Тебя... испортил успех... Всех вас портит... успех.

Пауза.

ОНИ смотрят в глаза друг другу. ОНА неожиданно закрывает рот ладонью...

Как я... Боже! Как могла этого... Прости...

АКТЕР. За что?

АКТРИСА. Боже, за мою глупость... Прости...

АКТЕР. Но это... Мое. Моя клятва...

АКТРИСА. Но где же... Ты носил... Прятал... Эти свои струны? Почему я их не знала?

АКТЕР. Я их умел скрывать.

АКТРИСА. Но сколько?

АКТЕР. Пятнадцать лет...

АКТРИСА. А если бы... Не ОН? Если бы не ЕГО записка?

АКТЕР. Ты бы, наверное, ничего не узнала...

АКТРИСА. Но... Это же мука? Жить так.

АКТЕР. За эти годы... Я стал тем, что тебе претит...

АКТРИСА. Но ведь это маска?

АКТЕР. Она... выросла в меня... Стала моим лицом. И получилось... Вся жизнь прошла... В этой маске. А что под ней...

Увидеть ты не захотела...

И вот сейчас...

Возможно мне стряхнуть оковы тех прошедших лет...

А нужно ль?

Сможем мы сказать сейчас...

Друг другу: да!

Мы любим...

АКТРИСА. Но я так... Не могу сказать...

АКТЕР (*приближаясь к ней*).

Сейчас поймешь...

Я постараюсь объяснить тебе...

Вся жизнь...

Весь смысл ее... Вдруг уложится в миг...

А миг, – он вот, – лови, иль будет поздно...

Возобнови звучанье струн души...

И той... Почти забытой ноты...

Я говорю, – почти! Ты только вспомни...

Вспомни! Заклинаю... Те острова...

Ту юную безудержную страсть...

АКТРИСА. Но...

АКТЕР.

Молчи, прошу тебя...

Прикрывает ей рот ладонью.

Я малого прошу – воспоминаний... Закрой глаза...

ОНА смотрит на него широко открытыми глазами, потом, как под гипнозом их закрывает.

Теперь скажи мне: я люблю...

АКТРИСА открывает глаза, смотрит на него, но он по-прежнему прикрывает ей рот рукой.

Ну, смелей... Ведь ты любишь...
 И ты сама не знаешь, что таит душа твоя...
 Забудь презренный мозг...
 Взови к глубинам тайным, темным, затаенным...
 Там ждет освобожденья своего... Любовь...

АКТРИСА (*отталкивает его руку*). Но... Я не хочу!

АКТЕР. Остановись!

Неужто плоть не жаждет...
 Того восторга упоенья,
 Коего появление бывает в жизни раз?..
 Забудь презренный мозг.
 Его существованье лишь мешает
 Последнему решающему шагу...
 К бездне счастья...
 Про все забудь!
 Осталась лишь... Любовь...

АКТРИСА. Я...

АКТЕР. Молчи! Ты слышишь?

Оставь слова постылой прозы на потом...
 Иль никогда тобой не овладеет
 То волшебство, коего ради...
 Существует жизнь...

АКТРИСА. Я не хочу!

АКТЕР. Закрой глаза...

*ОНА вновь, как под гипнозом, закрывает
 глаза.*

Ты видишь миражи? И свой полет?
 Те красные круги пред ослепленным взором...
 И есть... Любовь...

Еще немного...
И спадут – оковы...
Жалкие оковы
Существованья без любви...

АКТРИСА.

Я... Люблю тебя.

АКТЕР.

Мгновенье? Или жизнь?

АКТРИСА.

И жизнь, и миг...

АКТЕР.

Ты счастлива...

АКТРИСА.

Не знаю...

АКТЕР.

Ты любишь...

АКТРИСА.

А... Сколько будет длиться это счастье?

АКТЕР.

Вечность...

АКТРИСА.

Да, да! Сейчас как будто мне открылось...

Окно... В нем свет... Он ярок до безумья...

АКТЕР (*задумчиво*).

Окно?..

АКТРИСА (*жестом умоляя его замолчать*).

Я и не знала... Как просто, боже мой!

Как просто стать счастливой...

А сейчас... Я вижу острова...

Где мне любить хотелось...

Кричать и петь...
И требовать любви...
Как все просто, боже!

АКТЕР.

А ты спала... Спала твоя любовь...
И вот ее случилось пробужденье...
В мгновенье усыпив рассудок твой...
Сейчас случится все наоборот...
Любовь уснет...
Рассудок пробудится...
И вновь случится
Возвращенье...
Душа вернется в тело...
С адской болью...
Сейчас раздастся крик...
Любви... Опять насильно усыпленной...

АКТРИСА (*открывает глаза и обзревает сцену и Актера так, будто все это впервые видит*). Что ты сказал?

АКТЕР. Ничего... Это я про себя.

АКТРИСА (*делает движение, как будто хочет вырваться откуда-то*). Что... Что ты со мной сделал?

АКТЕР.

На миг прервал твой сон...

АКТРИСА. Говори нормально!

АКТЕР.

Я и говорю.

АКТРИСА. Какой сон?

АКТЕР.

Успешный. Тот, что принимаем мы за жизнь...
 Успех на самом деле этот, — ложь...
 Успеха нет... И не было...
 Глупец все это выдумал...
 Теперь он вновь в твоих руках...
 Но чисто женский...
 О нем и ты забудешь...
 Как только он уйдет.
 Окажется: он не был нужен...
 Он был лишь зеркалом...
 И через годы...
 Лишь зеркало покажет...
 ЧЕГО все это стоило...
 Вот что такое... Ваш успех...

АКТРИСА (*кричит*). Замолчи! Все это ложь! Это выдумал... даже не ты!

Пятится спиной к портрету, натывается на него, снимает, показывает Актеру.

Что ж ты можешь тогда... Сам? Чего ты стоишь вместе со своей любовью?

АКТЕР (*после паузы*). Ничего... Я просто... комедиант... да и об этом ты узнала... Только сейчас...

АКТРИСА (*не зная, куда девать портрет*). Зачем я только все это узнала, господи... Проклятый день... Как я теперь буду жить?

АКТЕР. Как и жила. Все очень просто. Просто надо забыть.

Берет со стола записку, поджигает.

Забудь те острова... И те пятнадцать лет... И тот успех...

АКТРИСА. Любовь...

Подходит к нему.

Прости... Прости меня...

У б е г а е т.

*ОН ждет, пока записка догорит, берет бу-
тафорский меч и со всей силой бьет по
столу... Меч тут же ломается, стол оста-
ется стоять, как стоял... Только, вероят-
но, от сотрясения музыка начинает иг-
рать сильнее.*

З А Н А В Е С .

«Клуб-96» – Москва, тел.(095) 8-903-386-97-89(м), 8-

845-2-20-28-71

автор – Алексей Рудольфович ДЭЛЛЬ- ВАСИЛЕВСКИЙ